

Как и на прослушивании, когда Лю Лао крикнул «Начали!», Жун Сюй без колебаний поднял со стола простую чашку.

Тонкие изящные пальцы осторожно покачивали чайную пену в чашке, и слабый аромат чая быстро распространился по студии.

Сегодняшний костюм Жун Сюя был куда шикарнее, чем тот, что был на нём во время прослушивания. Стилист разработала заколку для волос специально для его формы лица, а одежду перешили за ночь, подогнав её под каждый изгиб его тела. Издалека, даже в тускло освещённом простом особняке, когда Жун Сюй поднимал руку, он весь сиял, элегантный и благородный.

Что удивительно, Жун Сюй крайне спокойно размешивал свой чай, не торопясь отпивать. Цинь Чэн, казалось, даже через дверь мог почувствовать, что сейчас происходит в «особняке». Когда Жун Сюй сделал глоток чая, он внезапно зашагал вперёд, подойдя вплотную к двери.

Он специально отходил на пару шагов, чтобы предупредить актёра в доме о своём приближении: «я сейчас войду – приготовься».

Лю Лао, наблюдавший за происходящим через мониторы, обнаружил, что едва Жун Сюй поставил чашку на стол, как Цинь Чэн внезапно начал идти к двери. Эти двое отлично понимали друг друга, и им не нужно было делать подсказки. Уже в следующее мгновение Цинь Чэн протянул руку и потянул на себя старенькую деревянную дверь – в дом хлынул яркий свет.

В мгновение ока Жун Сюй остановил свои изящные манипуляции с чаем и повернулся, чтобы посмотреть на вошедшего. В этот же момент Цинь Чэн заметил у себя дома гостя и замер, уставившись на него.

Тёмно-коричневая парчовая накидка подчёркивала стройное длинное тело молодого принца. Его пояс был инкрустирован белым нефритом, на котором было выгравировано одно слово – «□». Остальная часть его одеяния не была ничем украшена. Стоя в зале своего дворца, он выглядел очень статно и внушительно, но, стоя здесь, в особняке своего подданного, он слегка изогнул губы, глядя на внезапно появившегося на пороге командира Цзинь-вэй, и мягко улыбнулся.

Люди всего мира сходились на том, что среди трёх сыновей и четырёх дочерей нынешнего Святого Императора, шестеро имели довольно обычную внешность и не унаследовали внешних черт матери-наложницы. Один только принц Чжу Можэнь был великолепным статным красавцем, совершенно не похожим на Его величество Императора.

Кун Чао, естественно, знал принца, но он уж точно не ожидал застать его в своём собственном доме.

Внезапный шок заставил командира Цзинь-вэй остолбенеть, поэтому он не сразу отсалютовал Принцу. Он с ужасом смотрел на молодого красивого принца перед собой. Чжу Можэнь тоже смотрел на него. Глаза мужчин скользили по лицу собеседника. Через некоторое время Кун Чао внезапно пришёл в себя и тут же опустился на одно колено.

— Министр Цзинь-вэй, командир Кун Чао рад приветствовать Его Королевское Высочество принца. — внезапно раздался в студии низкий магнетический голос мужчины.

Цинь Чэн опустил голову и уперся коленом в каменный пол, почтительно приветствуя принца. Его голос был подобен ледаколу, холодному и твёрдому, неукоснительно ворвавшимся в сердца всех присутствующих. Атмосфера в зале внезапно стала немного торжественной, и все сотрудники заворожёно уставились на двух мужчин в центре съёмочной площадки. Сами того не замечая, они напряглись.

Такая атмосфера сцены была задана Цинь Чэном, даже если он сам об этом не подозревал.

Хороший актёр может заставить людей «почувствовать себя внутри сцены». Когда он произносит реплики, играя своего персонажа, у зрителя возникает сильное чувство подмены, и он может понять и прочувствовать настроение персонажа в данный момент и даже разделить с ним его боль.

Цинь Чэн обладал отлично поставленным голосом, и сейчас его голос сильно отличался от его обычной речи. Он по-прежнему был пьянящим и приятным, но в голосе Кун Чао появились ледяные нотки. Он явно выражал принцу своё уважение, но не мог скрыть свой холодный и сильный дух.

Жун Сюй с улыбкой наблюдал за этой сценой «с первых рядов», но на его сердце в этот момент было очень спокойно. Он улыбнулся и сказал:

— Командир Кун, Вам не обязательно быть таким вежливым. Приходить сюда было неуважительно с моей стороны.

В следующий момент, когда прозвучали эти слова, Кун Чао встал с колена, стоя с принцем лицом к лицу, что было неуважительно по отношению к нему. Однако на лице Чжу Можэня не появилось и следа печали – он с тихим звоном поставил чашку на стол.

В центре студии, Жун Сюй стоял за столом Восьми Бессмертных, тихий и спокойный, и просто улыбался. Цинь Чэн же был очень холоден, и на его решительном красивом лице не было никакого выражения. Тёмные зрачки сверкали слабым светом, глядя на молодого принца перед собой.

Это противостояние длилось всего несколько секунд, но зрители успели почувствовать себя подавленными.

Один – улыбчив, другой – холоден.

Ни один из них не говорил и не шевелился, но Ло Вэй, стоявшая в паре метров от них, почувствовала себя немного запыхавшейся. Ей казалось, будто она слышит фоновую музыку, напоминающую низкий звук гуцинь; этот звук эхом отзывался в студии, медленный, но при этом очень напряжённый... прямо как сцена, разворачивающаяся у неё на глазах.

Кун Чао думал о том, стоит ли ему доверять этому принцу.

Спокойствие Жун Сюя и холодность Цинь Чэна составляли резкий контраст. Сначала Ло Вэй почувствовала, что, когда эти двое мужчин стоят вместе, они выглядят очень приятно для глаз. Но постепенно она погрузилась в сюжет и затаила дыхание, ожидая дальнейшего развития.

Наконец, первым двинулся Цинь Чэн. Он взглянул на нежного спокойного принца и спокойно сказал:

— Я не знаю, почему Его светлость Принц сегодня здесь.

Жун Сюй усмехнулся:

— Командир Кун уже знает ответ.

Цинь Чэн равнодушно возразил:

— Не знаю.

Уголки губ Жун Сюя приподнялись ещё выше. Его ясный взгляд упал на неизменно холодное лицо Кун Чао, и он спокойно сказал:

— Я слышал, что вчера в переулке Янь Ло на Западном рынке командир Кун по ошибке чуть не ранил людей. Среди этих людей был один человек... мой двоюродный брат.

Цинь Чэн сразу же выразил удивление и слегка склонился:

— Я этого не знал! Пожалуйста, простите мне этот грех!

После прослушивания Жун Сюя на прошлой неделе сценарист немного вдохновился и решил изменить первые совместные сцены Чжу Можэня и Кун Чао. Вместо того, чтобы перейти сразу

к главной теме, он решил добавить в их диалог небольшой «виток» в виде обсуждения происшествий в переулке. Этот «виток» не только был связан с предыдущей сюжетной линией, но и отлично раскрывал характер двух героев и их взаимоотношения.

Согласно сюжету, накануне вечером Кун Чао, следуя найденным уликам, отправился в переулочек Янь Ло, где встретил Шэн Сянцзюнь.

«Дикие цветы» – как фильм, повествующий о Цзинь-вэй, – обязательно должен был включать в себя много боевых сцен. Поэтому вчера по сюжету кто-то попытался убить Шэн Сянцзюнь, а Кун Чао, случайно оказавшись рядом, защитил девушку. После драки половина переулочка оказалась разрушенной.

Сегодня рано утром помощники доложили об этом инциденте принцу, но, поскольку Кун Чао был в маске, поймать его не удалось.

Брат принца упоминался по сценарию только на словах – актёра на эту роль не брали.

Сегодня принц явился домой к Кун Чао, потому что, когда Кун Чао вчера убегал, он случайно обронил свой нефритовый значок. Его после нашли и передали Принцу люди Восточного крыла. Великий евнух Ли Гунгун прямо назвал принцу имя Кун Чао, поэтому сегодня он наведёлся к нему в гости, под видом «заботы о кузене».

Конечно, Кун Чао не мог напрямую спросить у принца, откуда тому было известно, что эту драку прошлой ночью учинил именно он. Поэтому он склонил колени и попросил прощения.

Эта сцена показывала превосходство Жун Сюя. Он играл принца, и Кун Чао то и дело преклонял перед ним колени. Однако это совсем не означало, что Цинь Чэн был в этой сцене «ниже» его.

Когда Цинь Чэн извинялся, признавая свою вину в случившемся, Жун Сюй смутно почувствовал, что именно Цинь Чэн, а не он, задаёт атмосферу этой сцены и руководит ей.

Ему нужно было только следовать чувствам Цинь Чэна – и он не ошибётся.

Однако в следующую секунду Жун Сюй, от которого никто этого не ожидал, внезапно шагнул вперёд и поднял Цинь Чэна с колен!

В глубоких глазах мужчины промелькнуло удивление, но лицо его по-прежнему оставалось спокойным. Руки Жун Сюя слегка поддерживали его за локти, и фигура Цинь Чэна отражалась в паре его полупрозрачных нежных глаз. Молодой принц улыбнулся ему и низким голосом произнёс:

— Мой двоюродный брат упрям – что плохого в том, что командир Кун преподавал ему полезный

урок?

На этом сцена закончилась.

<http://tl.rulate.ru/book/3652/91106>